

УДК 341.121

Родин Д.В. аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ПОЛЬСКОГО ПРОЕКТА «ВОСТОЧНОГО ЛОКАРНО» НА VIII СЕССИИ АССАМБЛЕИ ЛИГИ НАЦИЙ (СЕНТЯБРЬ 1927 г)

В статье на основе архивных документов, материалов печати, опубликованных дипломатических документов и исследовательской литературы рассматривается судьба польского проекта «Восточного Локарно», изложенного на VIII Ассамблее Лиги Наций в сентябре 1927 г. В данном проекте отразилось стремление польской дипломатии под прикрытием резолюции в духе Женевского протокола 1924 года обеспечить международную гарантию собственной территориальной целостности, что вызвало неприятие у членов Совета Лиги – Великобритании, Германии, а также Франции, вынужденной ради сохранения партнерских отношений с Лондоном и Берлином пожертвовать интересами своего союзника. Дискуссии, развернувшиеся вокруг проекта, продемонстрировали разницу в отношении великих держав и малых стран к проблеме международной безопасности, а также неготовность Великобритании связывать себя гарантиями обеспечения безопасности других стран за пределами уже взятых на себя в Локарно обязательств. Лига Наций в данных дискуссиях выступала, с одной стороны, в роли форума, где малые страны могли озвучить свои требования касательно обеспечения собственной безопасности, а с другой, в роли инструмента, с помощью которого великие державы направляли дискуссии в нужное им русло, что позволяло им обеспечивать собственные интересы. Итогом дискуссий, развернувшихся вокруг проекта, стало принятие резолюции декларативного характера, имеющей исключительно моральную силу, что означало поражение польской (и частично французской) дипломатии и торжество германской.

Ключевые слова: международные отношения, Лига Наций, Локарнская конференция, внешняя политика Польши, внешняя политика Великобритании, внешняя политика Германии, внешняя политика Франции, Женевский протокол.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-108-116

Одним из важнейших событий в дипломатической жизни Европы в 1920-е годы стала Локарнская конференция, зафиксировавшая возвращение Германии в концерт ведущих европейских держав. Достигнуто это было за счет важного компромисса: Германия, согласно Рейнскому гарантийному пакту, признавала нерушимость своих западных границ, но одновременно западные страны (Великобритания, Франция, Италия, Бельгия) не затрагивали проблемы восточных границ Германии, оставляя открытым вопрос об их пересмотре. Французский публицист А. Фабр-Люс в связи с этим отмечал, что Локарнские соглашения определили правила для «наименее вероятного случая войны... прямого столкновения между Францией и Германией», предоставив при этом польской территории к востоку от Германии «очень низкий коэффициент безопасности» [3, с. 203]. В связи с этим очевидна неудовлетворенность польской дипломатии итогами Локарнской конференции, вынуждавшая Варшаву искать иные пути обеспечения территориальной целостности Польской республики. Одним из способов решения этой проблемы стали проекты «Восточного Локарно», призванные

адаптировать принципы Рейнского гарантийного пакта к ситуации в Восточной Европе и дополнить достигнутые в 1925 г. соглашения.

Речь шла о системе гарантийных договоров и пактов о ненападении между Польшей и ее соседями как на западе, так и на востоке, которая обеспечила бы неприкосновенность послевоенных границ Польши. Данная идея, например, лежала в основе советско-польских переговоров по пакту о ненападении, начатых в 1926 г. и затянувшихся вследствие стремления Варшавы «использовать его для стабилизации положения в Восточной Европе, но вместе с тем и для укрепления собственных позиций Польши в регионе» [4, с. 117]. Неудача на восточном направлении, равно как и отсутствие заинтересованности великих держав в предоставлении Польше гарантий территориальной целостности (за исключением, пожалуй, Франции, видевшей в Польше основу «санитарного кордона») вынуждали Польшу продолжать поиски путей обеспечения собственной безопасности. Итогом этих поисков стало обращение Польши к Лиге Наций на VIII сессии Ассамблеи Лиги в сентябре 1927 г. с проектом резолюции, имевшей, по сути, значение «Восточного Локарно», т.е. ставившей своей задачей достижение международных гарантий польских

границ. Изучение данного проекта и развернувшейся вокруг него дискуссии позволяет расширить наши представления о месте и роли Лиги Наций в Версальском миропорядке, а также рассмотреть столкновение интересов, концепций безопасности, геополитических амбиций и устремлений как между великими державами, так и между «сильными мира сего» и малыми странами Европы.

Повестка VIII сессии была известна заранее: предполагалось уладить споры между Венгрией и Румынией по поводу конфискованного имущества венгерских землевладельцев и между Грецией и Германией из-за линкора «Саламис», решить вопрос о приеме Германии в постоянную мандатную комиссию Лиги Наций, избрать новых членов Совета Лиги Наций [25]. Однако в начале сентября, за несколько дней до открытия сессии, польский представитель в Лиге Наций Ф. Сокаль посетил своего британского коллегу А. Кадогана и сообщил последнему о намерении своего правительства представить Ассамблее Лиги проект всеобщего пакта о ненападении. Формально речь шла о новой версии Женевского протокола «О мирном урегулировании международных конфликтов» 1924 года, согласно которому страны, подписавшие документ, брали на себя обязательство избегать применения военной силы для разрешения международных конфликтов, за исключением случаев сопротивления агрессии (определение которой давалось в приложении к документу) и действий, предпринимаемых по решению Лиги Наций. Вследствие провала ратификации протокола в Великобритании и Италии документ так и не вступил в силу.

Теперь же Ф. Сокаль настаивал на том, что предполагаемый пакт, по мнению его правительства, поднимет престиж Лиги Наций в глазах мировой общественности, опасаясь, что «Ассамблея Лиги ничем не содействует пацификации мира» [17, с. 558]. Можно предположить, что вдохновителем выступления Ф. Сокаля был министр иностранных дел Польши А. Залеский, известный своей приверженностью идее сотрудничества с Лигой Наций, в то время как глава Польской республики Ю. Пилсудский (председатель Совета министров Польши после Майского переворота 1926 года) относился к Лиге критически, придерживаясь

мнения, что ее деятельность «зачастую весьма далека от интересующих Польшу вопросов», а участие в ней польских представителей лишь «создает лишние трудности для Варшавы и даже прибавляет ей случайных друзей и врагов» [1, с. 62-63]. В то же время нельзя оставить без внимания тот факт, что польский дипломат проинформировал о намерениях своего правительства в первую очередь именно британцев. Подобный шаг свидетельствует, что к 1927 г. польская дипломатия во все большей степени отходила от профранцузской ориентации и при решении внешнеполитических проблем предпочитала апеллировать к Великобритании, которой, по словам британского посла в Варшаве У. Макса-Мюллера, приписывалась роль «верховного арбитра» [9, с. 79].

Впрочем, А. Кадоган и присутствовавший на встрече судья Постоянной палаты международного правосудия С. Хёрст отнеслись к идее Ф. Сокаля скептически. Позиция британской элиты в отношении Женевского протокола мало изменилась с 1924 года: глобальный характер интересов Британской империи вызывал у британских дипломатов опасение, что подписание подобного договора приведет к «непомерному расширению международных обязательств Великобритании» и вызовет «риск втягивания в войну, не затрагивающую напрямую ее интересов» [2, с. 326]. В связи с этим А. Кадоган надеялся отговорить Ф. Сокаля от выступления перед Ассамблеей, в частности, он предупреждал, что существует «значительная опасность в принятии плохо продуманной резолюции просто ради того, чтобы иметь определенную резолюцию для демонстрации ее ответственности» [17, с. 560]. Однако польский дипломат был непреклонен и выражал уверенность в том, что его предложение является «необходимым первым шагом» для заключения региональных пактов по модели Локарнских соглашений [17, с. 559]. В результате британским дипломатам так и не удалось убедить Ф. Сокаля отказаться от своих намерений.

Тогда же о польских предложениях стало известно и в Берлине. 1 сентября 1927 г. статс-секретарь рейхсканцелярии Г. Пюндер сообщил министериальдиректору рейхсканцелярии В. фон Хагенову о готовности

Польша выступить в Женеве с проектом международного пакта, имеющего, по словам самого статс-секретаря, «значение Восточного Локарно» [8, с. 366]. При этом он подчеркивал, что для Германии принятие подобного плана было бы весьма «неприятно», поэтому она была обязана голосовать против плана.

Особые опасения вызывала возможность поддержки Ф. Сокаля с французской стороны. Немецкой стороне были памятна речь французского министра иностранных дел А. Бриана, произнесенная в конце августа 1927 г. на заседании Межпарламентского союза. Напомнив присутствующим об итогах Локарнской конференции, министр заявил, что достигнутые соглашения «полностью исключают любое применение силы на любой европейской границе, как на Востоке, так и на Западе» [10]. Как писала «Дойче Альгемайне Цайтунг», многие германские политики заметили в словах А. Бриана «влияние определенных французских кругов, заявляющих о необходимости Восточного Локарно» [15]. Особое беспокойство вызывало то, что слова А. Бриана были подхвачены такими политиками, как сенатор и главный редактор газеты «Матэн» А. де Жувенель, который во всеуслышание заявлял, что «спасение нашей страны [Франции – прим. авт.] и Европы состоит в восстановлении Великой Антанты, состоящей в союзе с Малой Антантой и Польшей, способной в одиночку противостоять всепоглощающим амбициям рейха» [31, с. 96]. На Вильгельмштрассе не исключали возможности того, что предстоящее выступление польской делегации было подготовлено с согласия Кэ д'Орсе или даже при активном участии Франции.

Впрочем, опасения немцев были преждевременными: уже 1 сентября немецкий посол Л. фон Хёш телеграфировал из Парижа, что французский сенат, ведомый самим А. Брианом, отклонил идеи сенатора А. де Жувенеля о создании «Восточного Локарно» [8, с. 373]. Германия получила ясный сигнал, что предложение Ф. Сокаля отражает исключительно интересы польского правительства. Однако проблема оставалась прежней: польская делегация все еще намеревалась озвучить свой проект с трибуны Лиги Наций, и в случае его принятия ревизия восточных границ Германии была бы крайне затруднена. В эти же дни статс-секретарь МИД Веймарской республики К. фон Шуберт в беседе с

М.М. Литвиновым, захватившим в Берлин по дороге в Москву из Парижа, заявил: «Мы по-прежнему придерживаемся убеждения, что создание какого-либо Восточного Локарно совершенно невозможно» [8, с. 343].

Между тем сведения о намерениях польской делегации представить на Ассамблее Лиги проект всеобщего гарантийного пакта уже просачивались в печать. Отдельные британские репортеры высказывали мнение, что за польскими предложениями скрывалась попытка «навязать Великобритании тяжелые военные обязательства на благо других держав» [11], и подобные предположения вызывали у Форин-офиса беспокойство. Опасаясь осложнений, которые польский проект мог породить в англо-франко-германских отношениях, О. Чемберлен, только что прибывший в Женеву, за день до открытия сессии лично встретился с Ф. Сокалем и попытался убедить последнего в «опасности нового обращения в той или иной форме к вопросам, связанным с обсуждением известного протокола» и «в необходимости избегать всего, что могло бы бросить тень сомнения на те обязательства, в которые уже вовлечены все мы и Германия в особенности» [17, с. 560-561].

Тем самым О. Чемберлен недвусмысленно намекал на противоречие польского проекта соглашениям, достигнутым в Локарно: стремясь придать предполагаемому пакту универсальный характер, Варшава явно надеялась в первую очередь пересмотреть статус польско-германской границы, лишенной, в отличие от западной границы Германии, каких-либо международных гарантий. Сама возможность подобного пересмотра, как было показано выше, заставляла Берлин бить тревогу, что увеличивало риск конфликта между Веймарской республикой и Польшей, чего британские дипломаты стремились всеми силами избежать (в еще большей степени они стремились избежать втягивания Великобритании в этот конфликт). В ответ Ф. Сокаль вновь повторил заверения в благих намерениях польского правительства, которое лишь старалось избежать опасностей, произрастающих «из той части общественного мнения в самых разных странах, которая не верит в Лигу и оппозиционна ко всей политике умиротворения, символом которой является Локарно» [17, с. 561].

Не убедив главу польской делегации отказаться от задуманного, О. Чемберлен принял решение о поиске такой формы проекта, которая оказалась бы приемлемой для всех великих держав. Любопытно, что сразу после разговора с Ф. Сокалем О. Чемберлен проконсультировался по вопросу польских предложений не с кем иным, как с министром иностранных дел Германии Г. Штреземаном и заверил последнего, что возьмет инициативу обсуждения польского проекта на себя [17, с. 562]. Тем самым глава Форин-офиса явственно обозначил, с кем он предпочтет блокироваться при обсуждении польского проекта в Лиге Наций.

5 сентября 1927 г., в день открытия VIII сессии Ассамблеи Лиги Наций, польский проект был официально представлен широкой публике. Возвращаясь к идеям Женевского протокола 1924 г., польская делегация озвучила идею общей декларации всех членов Лиги Наций и стран, не входящих в Лигу, о намерении отказаться от войны, как способа решения международных споров. Спустя несколько дней главам делегаций всех стран-членов Лиги была передана официальная формулировка польского проекта: «Все агрессивные войны запрещены. Ассамблея заявляет, что государства-члены Лиги обязаны соблюдать этот принцип. Вследствие этого Ассамблея призывает членов Лиги приступить к заключению пактов о ненападении, основанных на идее о том, что для урегулирования разногласий любого характера, которые могут возникнуть между членами Лиги, следует использовать все доступные мирные средства» [28].

Газеты тут же окрестили проект «Восточным Локарно» [12; 26]. Для всех было очевидно, что главной целью польской делегации является гарантия нерушимости польско-германских границ, которой польская делегация не смогла добиться на конференции в Локарно, и теперь Варшава, говоря о запрещении любых войн и о желательности заключения пактов о ненападении, имела в виду в первую очередь обеспечение безопасности и неприкосновенности собственных границ. Об этом же, например, сообщал И.В. Сталину нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин, убежденный в том, что польское предложение было «прежде всего направлено против Германии, официально подтвердившей в Локарно возможную

перспективу военного разрешения германо-польских споров» [5, с. 220].

Следует отметить, что малые страны в основном поддержали польское предложение и даже взялись за его усовершенствование. Например, голландская делегация предложила вернуться к обсуждению протокола 1924 года, а представитель Норвегии К.Й. Хамбро выступил в Ассамблее с речью, обличающей систему, при которой «великие европейские державы сосредотачивают в своих руках контроль над международными делами, не обращая внимания на голос малых стран», что, по его мнению, некогда уже привело к мировой войне [24, л. 294]. Предложение самого К.Й. Хамбро сводилось к заключению всеобщего договора об арбитраже, согласно которому любые межгосударственные споры предлагалось передавать в Международный или третейский суд, назначенный Советом Лиги.

Со своим проектом «Восточного Локарно» выступил и министр иностранных дел Латвии Ф. Циеленс. 7 сентября он обратился к Ассамблее с речью, в которой признал, что Западная Европа только выиграла от Локарнских соглашений, но заметил, что «Западная Европа еще не вся Европа в целом», и высказался за подписание «Локарнского соглашения для Востока», которое «гарантировало бы статус-кво на восточном побережье Балтики» [20, с. 69]. Однако попытки латвийского министра заручиться поддержкой Франции, Германии или Великобритании оказались бесплодными. Ни А. Бриан, ни Г. Штреземан не проявили интереса к латвийским предложениям, а О. Чемберлен, прямо заявил Ф. Циеленсу, что «британская политика отнюдь не заключается в том, чтобы заниматься гипотетическими угрозами» [20, с. 70]. Тем самым он указал на нежелание связывать руки британской дипломатии гарантиями безопасности для малых стран. «Западное Локарно» было в этом отношении единственным исключением, и границей британского вмешательства в дела европейского континента оставался Рейн.

Тем не менее поддержка проекта Ф. Сокаля со стороны малых стран и появление проектов, развивающих его идеи или подражающих им, указывали на недовольство малых стран великими державами, неспособными построить всеобъемлющую систему гарантий безопасности. Газетчики метко охарактеризовали сложившуюся ситуацию, как

«мятеж в Лиге Наций» [18, с. 546]. Однако, в конечном счете, именно представителям великих держав – О. Чемберлену, А. Бриану и Г. Штреземану, предстояло решать судьбу польских предложений. В первые же дни заседаний Ассамблеи главный секретарь министра иностранных дел Великобритании В. Селби писал в письме к бывшему министру иностранных дел Великобритании Э. Греху о совместном англо-франко-германском давлении на польскую делегацию. При этом особая роль отводилась А. Бриану вследствие того, что, по мнению Форин-офиса, «Польша не склонна действовать независимо от Франции». По словам В. Селби, сам А. Бриан прямо заявлял во время переговоров с О. Чемберленом, что «не намерен участвовать в каком-либо сценарии, способном разрушить англо-французский фронт, с таким большим трудом созданный в Локарно, перед глазами всей Европы» [24, л. 297]. Намерения министра, впрочем, разделяли не все члены французской делегации: некоторые из них попытались помочь полякам, однако А. Бриан пресек подобные поползновения, отказавшись от распространения Локарно на восток и подтвердив тем самым свою «лояльность» Великобритании и Германии [31, с. 97].

О. Чемберлен, в свою очередь, заявил 6 сентября, что «не видит никаких преимуществ в подписании нового документа, касающегося вопроса безопасности», и предположил, что «резолюция, побуждающая распространять пакты по образцу Локарно, будет более приемлемой для Ассамблеи» [27]. В речи к Ассамблее от 10 сентября он был еще более конкретен и во многом повторил слова, до этого сказанные в приватной беседе Ф. Циеленсу: «Вы предлагаете нам любой стране и любой границе предоставлять гарантии, которые мы дали по одному договору. Если вы просите нас об этом, то вы просите нас о невозможном. Наши силы, сколь бы велики они ни были, несоизмеримы тем задачам, которые вы ставите перед нами» [13].

О. Чемберлен ясно давал понять, что Англия не собирается предоставлять новые гарантии безопасности малым странам, в особенности в Восточной Европе, и если они хотят обеспечить свою безопасность, они должны сами договариваться друг с другом. Причиной этого был не только страх Англии перед новой войной, которую, например,

вполне могли вызвать трения между Польшей и ее соседями, в первую очередь Германией. В личной беседе О. Чемберлен признавался министру иностранных дел Германии, что «он не допустил бы принятия документа, из-за которого он и Штреземан оказались бы в разных лагерях» [8, с. 481]. Не менее важной причиной были трения внутри самой империи: как напоминал В. Селби, «ни в метрополии, ни в доминионах не наблюдается намерения взять на себя дополнительные обязательства в отношении Европы. Напротив, доминионы даже не подписали Локарнские соглашения» [24, л. 420-421]. Неуверенность в своих силах, нежелание провоцировать конфликт с Германией и опасения вызвать раскол в империи подвели О. Чемберлена к мысли о нежелательности и даже невозможности более активного участия Великобритании в решении проблем Восточной Европы.

Тем не менее прямой отказ от проекта Ф. Сокаля был чреват падением авторитета Лиги, т.к. это привело бы к разочарованию малых стран в международной организации. Перед тройкой министров стояла задача «выхолостить» польский проект, изъяв из него любые упоминания о гарантиях безопасности. Для этого проект был передан в комиссию по разоружению при Лиге Наций, которую возглавлял Э. Бенеш. При этом еще 7 сентября Г. Штреземан встречался с Ф. Сокалем, который представил министру иностранных дел Германии новый проект декларации, согласно которой «все государства Лиги Наций в добровольной форме отказывались от войны при любых обстоятельствах и во всех случаях обязывались решать государственные конфликты мирным путем» [8, с. 404]. Г. Штреземан был удовлетворен данной формулировкой. Он общался в Берлин, что «принятие декларации может иметь далеко идущие последствия, в частности, будут разбиты все надежды, связанные с лозунгом Восточного Локарно», т.к., во-первых, «будет выбита почва из-под ног определенных политических кругов во Франции, утверждающих, что на востоке Европы недостаточно гарантий мира» (тем самым Г. Штреземан недвусмысленно намекал на А. де Жувенеля), во-вторых, «будет создан фундамент для требований Германии о всеобщем разоружении и скорейшем разрешении проблем, все еще существующих между Германией и странами-оккупантами» [8, с. 405].

Как можно видеть, под давлением великих держав польская делегация практически сразу была вынуждена отступить от своей первоначальной линии и от разработки нового варианта Женевского протокола перейти к составлению документа декларативного характера. Немецкая делегация без особых проблем достигла своей цели: из нового варианта проекта исчез призыв к заключению гарантийных пактов по образцу Рейнского, что означало отсутствие конкретных обязательств стран по взаимному обеспечению территориальной целостности. В то же время можно увидеть, что для германских дипломатов борьба с польскими предложениями в большей степени означала борьбу с теми французскими политиками, кто, как А. де Жувенель, надеялся на создание «Восточного Локарно», и выхолащивание польского проекта позволяло Вильгельмштрассе надеяться, что подобного рода идеи постепенно уйдут в прошлое. Кроме того, созданный в результате совместной борьбы с польскими предложениями англо-франко-германский фронт можно было использовать для дальнейшего пересмотра Версальских постановлений.

Озвученная Ф. Сокалем при разговоре с Г. Штреземаном версия резолюции оказалась достаточно близка к окончательной. Доработанный в комиссии под руководством Э. Бенеша документ торжественно провозглашал, что «все агрессивные войны находятся и всегда будут находиться под запретом», и рекомендовал в случае каких-либо разногласий между членами Лиги «задействовать все мирные средства» для разрешения возникшего спора [23, с. 8]. При этом из резолюции исчезло предложение о заключении пактов о ненападении между всеми членами Лиги Наций, которое и составляло основу первоначального польского проекта. Без подобных пактов резолюция приобретала исключительно декларативный характер, т.к. в ней не предусматривалось никаких инструментов претворения заявленных принципов в жизнь. В этом виде резолюция и была принята Ассамблеей Лиги Наций 24 сентября.

Итак, отклонив конкретные ссылки польской делегации на гарантийные пакты в духе Локарнских соглашений, О. Чемберлен, Г. Штреземан и А. Бриан вынудили Ф. Сокала представить Лиге Наций по сути декларативный документ, имеющий, по словам главы

польской делегации, «большое моральное и воспитательное значение» [6, с. 497]. По сути, резолюция Лиги Наций осуждала лишь агрессивную войну, а отсутствие четко обозначенной процедуры примирения конфликтующих сторон делало арбитраж лишь возможным, но отнюдь не обязательным способом решения межгосударственных споров. Немецкая пресса могла ликовать. «Фоссише Цайтунг» восклицала: «Никакого Восточного Локарно!», – а «Дойче Альгемайне Цайтунг» писала: «За одну неделю вышло так, что польский план был изорван в клочья, и от него практически ничего не осталось» [30; 16]. В то же время для польской делегации, надевшейся на поддержку Франции, это был, по словам исследовательницы З. Штайнер, «уничижающий опыт» [21, с. 518].

Общественное мнение в Великобритании в целом отнеслось к итогам восьмой сессии Ассамблеи Лиги Наций скептически. Многие, в том числе редакция газеты «Дэйли телеграф», задавались вопросом, «каким образом рекомендации в области “безопасности”... смогут привести к росту числа двусторонних пактов по модели Локарно между бывшими союзниками и их врагами, например, между Венгрией и Чехословакией или Сербией и Венгрией» [14]. А в редакции «Таймс» открыто признавали, что «правда состоит в том, что большая часть делегатов, прибывших в Женеву, приехали с особой целью произносить и слушать речи, посвященные разоружению и миру... Делегаты приезжают сюда, чтобы, отчасти, избежать отвратительной борьбы с повседневными делами, а также чтобы на короткое время потворствовать своим идеализмам в кругу подпевающего международного сообщества» [29]. С этой точки зрения ничего удивительного в том, что итогом заседаний стала резолюция исключительно декларативного характера, не было.

Что же касается Франции, то она, будучи вынужденной ради сохранения дружественных отношений с Лондоном отказаться от поддержки своего союзника в Восточной Европе, понесла, пожалуй, наибольшие репутационные потери. Польская газета «Курьер Поранни» («Утренний курьер») обвиняла Францию в том, что «любой признак независимости в действиях Варшавы нежелателен для Кэ д'Орсе и смущает Бриана» [31, с. 98]. Француз-

ское правительство, в свою очередь, было вынуждено оправдывать действия министра, утверждая, что А. Бриан вовсе не имел в виду противодействие польскому проекту. На это бельгийская газета «Авенир» саркастически заметила, что «если бы Локарно удовлетворяло Польшу, у нее не было бы причин требовать его распространения на восток» [31, с. 98].

Тем не менее итог был однозначным: взаимодействие трех великих держав позволило «увести “Восточное Локарно” в сторону» [19, с. 100]. Это сулило определенный выигрыш для Германии, и впоследствии Г. Штресеман признавался: «Лишь благодаря помощи Англии и Франции мы смогли отклонить польское предложение, сводившееся к Восточному Локарно, в то время как... малые государства были готовы безоговорочно стать на точку зрения Польши» [22, с. 195]. При этом главным «помощником» явно была Англия, чей министр иностранных дел О. Чемберлен выступил организатором совместного давления трех великих держав на польскую делегацию, несмотря на сопротивление малых стран. Что же касается роли Франции в описанных событиях, то на ум приходят слова немецкого журналиста и писателя С. Хафнера: после Локарнской конференции 1925 года «Франция начинает играть подчиненную роль в европейской политике. Настоящими сильными игроками в Европе становятся Англия и Германия...» [7, с. 133] А. Бриан, как и в 1925 г., вновь проявил готовность пожертвовать интересами своего восточноевропейского союзника ради сохранения партнерских отношений с Великобританией и Германией, что в еще большей степени понижало престиж французской дипломатии и ставило ее в прямую зависимость от решений, принимаемых в Лондоне и Берлине.

Такова была логика взаимодействия трех ведущих западноевропейских стран: стремясь укрепить сотрудничество друг с другом, они избегали шагов, способных вызвать конфликты в их среде. Ценой, которую

пришлось заплатить за это, стали определенные репутационные потери: тот же Г. Штресеман отмечал, что оппозиция трех великих держав польскому проекту «вызвала определенную критику у малых стран» [8, с. 481]. Однако цель в данном случае оправдывала средства: ни одна из великих держав не имела ни сил (в случае Франции), ни желания (в случае Великобритании и Германии) гарантировать безопасность восточноевропейским странам, и потому они вместе выступили против проекта, подразумевавшего более активное вовлечение западных держав в вопросы безопасности стран Восточной Европы. В то же время Германия, как и два года назад в Локарно, смогла сохранить свободу рук в отношении своих восточных границ.

К концу 1927 года идея Восточного Локарно постепенно стала отходить на второй и даже на третий план. Тем не менее сам факт появления польского проекта и дискуссии вокруг него весьма показательны. Провозглашенная «эра пацифизма» не снизила уровня тревоги малых стран за свою безопасность, в связи с чем они постоянно искали способа заручиться поддержкой великих держав и добиться международных гарантий собственной территориальной целостности и неприкосновенности. Лига Наций в этих условиях служила площадкой для озвучивания требований, предложений и надежд малых стран, однако одновременно она оказывалась инструментом в руках постоянных членов Совета Лиги – Великобритании, Германии и Франции, использовавших его для сохранения статус-кво в отношениях друг с другом и с малыми странами. Отказ великих держав расширять систему гарантий, созданную в Локарно, вскрывал противоречия между государствами разного порядка в их отношении к проблеме безопасности и подрывал доверие малых стран к «сильным мира сего», что порождало новые трещины в фундаменте Версальского миропорядка.

Список литературы

1. Волос М. Внешняя политика Польши на фоне международных событий в Европе в 1924-1932 гг. (ключевые проблемы) // Вестник Омского университета. 2011, №1. С. 60-67.
2. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М., 2016.
3. Магадеев И.Э. «Дилемма безопасности» во внешней политике Франции во второй половине 1920-х годов // Исторический ежегодник. 2010. Новосибирск, 2010. С. 201-210.

4. Рупасов А.И. Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. СССР и государства-лимитрофы в 1920-х – начале 1930-х гг. СПб., 2008.
5. Советско-польские отношения в 1918-1945 гг.: Сборник документов в четырех томах. Том 2: 1926-1932. М., 2017.
6. Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004.
7. Хафнер С. Некто Гитлер: Политика преступления. СПб., 2018.
8. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918-1945. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes. Series B (1925-1933). Göttingen, 1974. Bd. 6.
9. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part 2: From the First to the Second World War. Series F: Europe, 1919-1939. Washington, 1993. Vol. 38.
10. Daily Telegraph. 1927, September 1st.
11. Daily Telegraph. 1927, September 3rd.
12. Daily Telegraph. 1927, September 5th.
13. Daily Telegraph. 1927, September 12th.
14. Daily Telegraph. 1927, September 26th.
15. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1927, August 31.
16. Deutsche allgemeine Zeitung. 1927, September 9.
17. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Series 1A (1925-1929). London, 1970. Vol. 3.
18. Impressions of Europe // Advocate of Peace through Justice. 1927. Vol. 89, No. 9/10. Pp. 544-547.
19. Kimmich C.M. Germany and the League of Nations. Chicago, London, 1976.
20. Rodgers H.I. Search for Security. A Study in Baltic Diplomacy, 1920-1934. Hamden, 1975.
21. Steiner Z. The Lights that Failed: European international history, 1919- 1933. Oxford, 2005.
22. Stresemann G. Vermächtnis. Berlin, 1932. Bd. 3.
23. Subject List № 77 of Documents Distributed to the Council and the Members of the League during September 1927. Geneva, 1927.
24. The National Archives. FO 800/261.
25. Times. 1927, August 26th.
26. Times. 1927, September 6th.
27. Times. 1927, September 7th.
28. Times. 1927, September 9th.
29. Times. 1927, September 28th.
30. Vossische Zeitung. 1927, September 6.
31. Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 2014.

DISCUSSION AROUND THE POLISH PROJECT OF THE «EASTERN LOCARNO» AT THE VIII SESSION OF THE ASSEMBLY OF THE LEAGUE OF NATIONS (SEPTEMBER 1927)

The article focuses on the history of the Polish «Eastern Locarno» project set forth at the VIII Assembly of the League of Nations in September 1927. Used sources include archive documents, press, published diplomatic documents and research literature. The mentioned project reflects an intention of Polish diplomacy to provide an international guarantee of Polish territorial integrity under cover of the resolution in the spirit of the Geneva Protocol (1924). That caused rejection among such members of the Council of the League as Great Britain, Germany and also France that was forced to sacrifice its ally's interests to maintain partnerships with London. The discussions held on the project showcased the difference of attitudes of the Great Powers and smaller countries towards the subject of international security. Alongside that, they highlighted that Great Britain was not ready to commit to provide security of the countries outside of obligations established at Locarno conference. In discussions mentioned above the League of Nations played the role of a public forum where smaller countries could voice out their requirements on providing their own security. Alongside that, The League of Nations acted as a tool of great powers to guide the discussions in needed directions, which allowed them to maintain their interests. The outcome of the discussions that unfolded around the project was the adoption of a declarative resolution which was entirely morally enforced, which meant the defeat of Polish (and partially French) diplomacy and the triumph of German diplomacy.

Keywords: international relations, the League of Nations, Locarno conference, foreign policy of Poland, foreign policy of Great Britain, foreign policy of Germany, foreign policy of France, Geneva Protocol.

References

1. Volos M. Vneshnjaja politika Polshi na fone mezhdunarodnih sobitij v Evrope v 1924-1932 gg. (klucieve problemi) [Poland's foreign policy on the background of international events in Europe in 1924-1932 (key issues)]. *Vestnik Omskogo universiteta [Herald of Omsk University]*. 2011, №1. S. 60-67.
2. Kapitonova N.K., Romanova E.V. Istorija vneshnej politiki Velikobritanii [History of Great Britain's foreign policy]. M., 2016.
3. Magadeev I.E. «Dilemma bezopasnosti» vo vneshnej politike Frantsii vo vtoroj polovine 1920-h godov [«Security dilemma» in French foreign policy in the second half of the 1920's]. *Istoricheskij ezhegodnik. 2010 [History Yearbook. 2010]*. Novosibirsk, 2010. S. 201-210.
4. Rupasov A.I. Garantii. Besopasnost'. Nejtralitet. SSSR i gosudarstva-limitrofi v 1920-h – nachale 1930-h gg [Guaranties. Security. Neutrality. USSR and limitrophe states in 1920's – early 1930's]. SPb., 2008.
5. Sovetsko-polskie otnosheniya v 1918-1945 gg.: Sbornik dokumentov v chetir'oh tomah. Tom 2: 1926-1932 [Soviet-polish relations in 1918-1945: Collection of documents in four volumes. Volume 2: 1926-1932]. M., 2017.
6. Trajnin A.N. Izbrannie trudi [Selected works]. SPb., 2004.
7. Haffner S. Nekto Gitler: Politika prestuplenija [Someone Hitler: The Politics of Crime]. SPb., 2018.
8. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918-1945. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes. Series B (1925-1933). Göttingen, 1974. Bd. 6.
9. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part 2: From the First to the Second World War. Series F: Europe, 1919-1939. Washington, 1993. Vol. 38.
10. Daily Telegraph. 1927, September 1st.
11. Daily Telegraph. 1927, September 3rd.
12. Daily Telegraph. 1927, September 5th.
13. Daily Telegraph. 1927, September 12th.
14. Daily Telegraph. 1927, September 26th.
15. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1927, August 31.
16. Deutsche allgemeine Zeitung. 1927, September 9.
17. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Series 1A (1925-1929). London, 1970. Vol. 3.
18. Impressions of Europe // Advocate of Peace through Justice. 1927. Vol. 89, No. 9/10. Pp. 544-547.
19. Kimmich C.M. Germany and the League of Nations. Chicago, London, 1976.
20. Rodgers H.I. Search for Security. A Study in Baltic Diplomacy, 1920-1934. Hamden, 1975.
21. Steiner Z. The Lights that Failed: European international history, 1919- 1933. Oxford, 2005.
22. Stresemann G. Vermächtnis. Berlin, 1932. Bd. 3.
23. Subject List № 77 of Documents Distributed to the Council and the Members of the League during September 1927. Geneva, 1927.
24. The National Archives. FO 800/261.
25. Times. 1927, August 26th.
26. Times. 1927, September 6th.
27. Times. 1927, September 7th.
28. Times. 1927, September 9th.
29. Times. 1927, September 28th.
30. Vossische Zeitung. 1927, September 6.
31. Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 2014.

Об авторе

Родин Денис Валерьевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия), E-mail: enigma9307@mail.ru

Rodin Denis Valeryevich – postgraduate student of Department of modern and contemporary history, History Faculty, Moscow state university named after M.V. Lomonosov (Russia), E-mail: enigma9307@mail.ru